

АРМЕН ДЖИГАРХАНИЯН:

Культура. — 2002, — 13 — 19 июня, — с. 12

Я ОДИНОКИЙ КЛОУН

Пройдет совсем немного времени, и книга под таким названием появится в продаже. Ее сочинил замечательный актер театра и кино Армен ДЖИГАРХАНИЯН с помощью своего давнишнего друга известного театроведа, заслуженного деятеля искусств РФ Виктора Дубровского. Книга выходит в серии "Выдающиеся мастера" ("ВМ"), которую предлагает читателям столичное издательство "АСТ-ПРЕСС", специализировавшееся прежде на публикации исторических романов, учебников, спортивной и детской литературы, детективов, а теперь расширившее свою тематику. Книга Джигарханяна — одна из первых, но не единственная в этой серии. Уже появились мемуары Василия Топоркова "Станиславский на репетиции" и Александра Белинского "Записки старого сплетника". На очереди — мемуары Михаила Жарова, Владлена Давыдова, Владимира Шубарина, Ольги Андровской, монография Риммы Кречетовой о Владимире Высоцком, Юрии Любимове и Давиде Боровском. Ушедшим из жизни кумирам прежних лет посвящаются сборники "Актеры на все времена", в которых публикуются очерки об Александре Вертинском, Владимире Хенкине, Клавдии Шульженко, Рубене Симонове, Николае Плотникове, Любви Добржанской, Андрее Миронове, Вере Марецкой, Ефиме Копеляне, Игоре Ильинском и других.

Здравствующим ныне мастерам разных поколений посвящаются сборники "Звезды Малого театра", "Звезды ЦАТРА", "Звезды Московского театра сатиры", "Звезды С.-Петербургской сцены", "Звезды столичной сцены", "Звезды нашего кино": Алиса Фрейндлих, Ульяна Лопаткина, Людмила Касаткина, Олег Басилашвили, Элина Быстрицкая, Александр Калягин, Олег Меньшиков, Любовь Полищук, Татьяна Дороница, Вера Васильева, Ольга Аросева, Спартак Мишулин, Владимир Зельдин, Александр Михайлов, Виктор Павлов, Людмила Чурсина, Федор Чеханков, Нина Сазонова, Николай Пастухов, Анастасия Вертинская — блестящее созвездие имен, о которых правдиво и доходчиво повествуют писатели, критики, журналисты. Все издания прекрасно иллюстрированы редкими фотографиями из личных архивов артистов и мемуаров театров. Собранные на одной полке, они составят своеобразную энциклопедию, посвященную выдающимся мастерам отечественной сцены, кино и эстрады.

Ненасытность

В.Дубровский: С самых первых лет вашей актерской деятельности в кино и на телевидении все обратило внимание на одну ее бросающуюся в глаза особенность — на необыкновенную интенсивность и, как результат, — на непривычное, поражающее обилие ролей. Сначала все удивлялись, потом радовались, а вскоре, увидев, что их количество все растет и растет, стали высказывать опасение и даже тревогу.

Эта тревога стала звучать в репликах друзей и коллег. Так, в 1975 году ее вслух высказала Людмила Касаткина, а затем известный режиссер в "Кинопанораме". Не остались в стороне и критики, с испугом подчитывавшие рекордное количество ваших фильмов. И, наконец, появились эпитеты:

Его ролей не счесть...
Тут доводы излишни:
Театр, кино и голубой экран.

И если он не значится в афише,
Встревожен зритель:
— Где ж Джигарханян?

И еще:
Что еще на свете
не успел Армен?
Не блеснул в Одette
и не спел Кармен.

И еще:
Он ролей исполнил столько,
Что (и то не без труда)
Все их вспомнит разве только
Знаюки "Что? Где? Когда?"

И еще:
Армен, Армен, опять Армен!
Забыл он про усталость!
Пожалуй, только роль Кармен
Сыграть ему осталось.

Вслед за этим — популярное двустишие В.Гафта:

Пожалуй, меньше на земле
армян,
Чем фильмов, где сыграл
Джигарханян.

— Очень талантливый "выпад". По сути, Валя прав. Но в одном он, мне кажется, ошибся: статистические и демографические данные свидетельствуют, что армян все же немножко больше.

— А в журнале "Театральная жизнь" за 1980 год, когда вами было сыграно уже около 80 ролей — в кино и на телевидении, в Юмористической театральной энциклопедии было помещено следующее понятие Ч.П. — "фильм без участия Армена Джигарханяна".

— Что касается эпитаграм, то в "Известиях" была и такая:

В картину входит, словно в цех —
Знакомый, близкий,
даже родственник...

Что ни картина — то успех,
И не простой,
а производственный.

Теперь по существу. Однажды испытал восторг от встречи с кинематографом, я продолжаю его любить.

Я убежден, что суть дела заключается в том, насколько ответственно подходит артист к своей очередной роли, изменяет он себе при этом или нет, а не в том, много или мало он снимается. В искусстве это вообще понятия достаточно относительные.

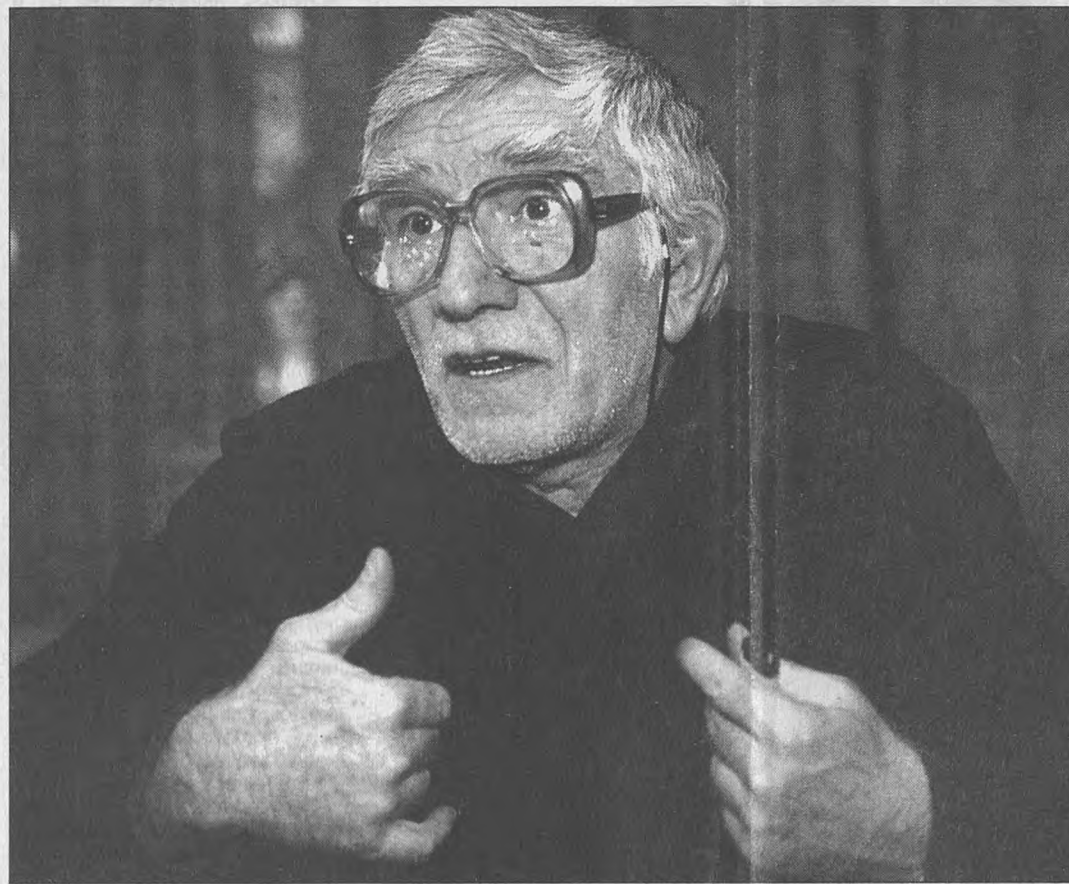
Я, например, не нахожу, что снимаюсь так уж много, — заканчиваю одну картину, начинаю другую, иногда с порядочным перерывом (в прокате же они могут появиться одновременно). К чему-то готовлюсь долго, исподволь. Что-то возникает внезапно, вдруг.

Когда мне говорят, что я много снимаюсь, я отвечаю: мало! Актер должен работать много, он должен постоянно играть, — ведь это не хобби, а дело жизни. Не упрекаем же мы земледельца, что трудится от зари до зари. Он делает свое дело изо дня в день, а мы его за это уважаем. Говорим почтительно: "Труженик".

Смысл жизни любого профессионального артиста в непрерывной работе. Нужен экран. Постоянно. Лишь он проверяет, чего ты в действительности стоишь, что приобрел и что утратил. В отличие от представителей других видов искусства, литературы, мы находимся в невыгодном положении — у нас ведь нет черновиков и эскизов, которые можно было бы исправлять и переделывать, актерские просчеты всегда налицо.

Я понимаю, конечно, что строгая формула Пикассо: "на полотне имеют право только открытия" очень верна. Но, увы, актерская профессия — это не занятие живописью: она лишена эскизов. Я не могу дома для себя делать эскизы, я должен постоянно проверять свою работу на зрителе. И поэтому, когда вы порой смотрите на экран, то не подозреваете, что в этой роли актер делает эскиз для какой-то будущей работы, которая вас, может быть, удивит и потрясет.

— Далее. Актерская работа в кино гораздо больше, чем в театре, требует ежедневного тренажа. Над каждой ролью пытаешься выразить

А.Джигарханян

ника. Поэтому всякий раз боюсь простое. Боюсь, потому что в свое время очень трудно отвыкал от камеры, от того, чтобы в момент съемки ее не чувствовать, и всегда теперь тревожусь: вдруг она снова для меня появится!

Когда я сижу без дела, я ржавею, духовно беднею и просто боюсь окантоваться растренированным и не готовым к новой роли. Гоар Аспарян мудро сказала: "Лучше износиться, чем заржаветь".

В театре, как и в кино, как известно, не мы, актеры, выбираем, а нас выбирают. И если режиссер приглашает вас на роль, то, очевидно, он все тщательно обдумал и видит свой фильм именно с этими актерами, а не с другими. Разнообразие ролей, встречи с разными режиссерами и актерами необычайно обогащают. Если, разумеется, к каждой своей работе подходить со всей ответственностью и серьезностью. Если каждая из них тебя волнует, затрагивает твои творческие и человеческие интересы. В нашей профессии очень опасна ржавчина. А она появляется при неподвижности, застое. Если человек привык много работать, то он до конца своих дней будет жить в подобном ритме. Я — из таких людей.

— В одной из статей вы сказали: "Я за ненасытность в искусстве". По-моему, вы нашли очень точное слово — ненасытность. Оно объясняет вашу страсть к работе, а значит — тот объем творческой деятельности, который вы осуществляете.

Но в ряде публикаций высказывались опасения и даже утверждения, что такая ролевая нагрузка грозит вам повтором, а может, и штампом.

— Возражать на замечания критиков — неблагодарное дело, кроме того, это не моя профессия.

Если честно, мне интересно играть любую (по метражу или масштабу) роль. Убежден, что каждая картина, пусть даже неудавшаяся, мне как артисту что-то дает. Часто можно услышать, что актер, снимаясь постоянно, подвергается опасности "израбатываться", "опустошиться", "полностью выглеснуться". А мне кажется, если не халтуришь, если в каждой роли пытаешься выразить

что-то личное, работаешь с полной отдачей и заинтересованностью, то работа духовно обогащает, прибавляет профессионального опыта.

— Не только критики и рецензенты, но и ваши друзья огорчаются, когда видят вас в плохом или неудачном фильме.

— Да, меня нередко упрекают, зачем, мол, вы снялись в таком-то фильме, ведь и сценарий слабый, и роль не выписана, и вообще, стоило ли огород городить? Сложный вопрос.

Иногда хочется роль, что называется, втащить, попробовать: а вдруг получится? Бывает, привлекает ситуация или возможность сыграть с талантливым партнером или у интересного режиссера. Конечно, истинное счастье, когда все эти моменты совпадают. Расстояние между процессом создания роли и результатом громадное. Что-то предугадать необычайно трудно. Иногда попросту нет выбора. Все, что предлагают, тебе не нравится. Но страшишься застоя, так как, если не будешь работать, появится опасность оказаться неподготовленным к настоящей роли.

В нашей профессии многое, как и в жизни, непредсказуемо и непрограммируемо. Тут трудно что-либо предугадать. Беря в руки сценарий, мы отыскиваем в нем лучшее, верим в скрытые резервы и возможности своей роли. Никто из нас, я убежден, не настраивается заранее на скучную, неинтересную роль, в каждом отдельном случае она чем-то привлекает, манит. Судят же нас, как правило, по конечному результату — фильму, который, увы, не всегда получается таким, как его задумали.

Я еще не встречал режиссера, сценариста, актеров, которые сообрали бы вместе и сказали: давай-те, мол, делать плохой фильм. Иногда только к концу картины, когда месяцы потрачены на съемки, понимаешь, что работал впустую: в коллективе каждый зависит друг от друга, и актер в том числе.

В искусстве запрограммировать удачу очень трудно. В искусстве, если это настоящее искусство, все происходит конкретно, индивидуально.

Актерская профессия — это как жизнь. Она не знает остановок, она

писывается на радио, дублируете фильмы (все помнят ваш голос в американской "Оклахоме" и в грузинском "Дон Кихоте", где вы дублировали все мужские роли, кроме самого Дон Кихота), ведете синхронный перевод (как это было на спектакле Армянского театра им.Г.Сундукяна в Киеве), записываетесь на пластинки, а теперь еще в видеофильмах. Это все формы актерского творчества, многие из которых рождены XX веком или вызваны к жизни совсем недавно. Все они, кроме общего, очевидно, имеют свою специфику. В чем она?

— Начну с кино. Я убежден, хоть далеко не все со мной согласны, что природа актерского творчества в театре и в кино имеет общий основной метод. Я не хочу вести теоретические споры с образованными критиками, но убедился в этом на своей, теперь уже многолетней практике. Создание образа на сцене и на экране происходит по одним и тем же законам.

А разве история кино не доказала это многократно: хорошие театральные актеры всегда интересно работали в кино — от выдающегося мхатовца Москвина в "Поликушке" до других мхатовцев — О.Ефремова, И.Смокутновского и многих-многих других актеров.

Мне кажется это бесспорным. Но вместе в тем эти два вида искусства серьезно отличаются друг от друга. Не только техническими условиями

складывается из многих неизвестных. Никогда нельзя заранее предугадать, что выйдет из твоей работы. Ты не знаешь режиссера, не знаешь, как он работает, что ценит в искусстве, что для него дорого, и чего он не принимает. Ты не знаешь, кто еще будет с тобой сниматься в картине и возникнет ли взаимопонимание в творческом процессе. Что останется от роли, которую ты сыграл, после того как режиссер сложит картину, в каком порядке он поставит эпизоды, а что вообще вылетит из фильма. И так почти каждый раз. Кинематограф заставляет моментально входить в творческий процесс, в атмосферу картины, улавливать ее жанр, особенности игры партнера, быть способным играть в любое время дня и ночи, находиться постоянно в творческом самочувствии.

Театр мне ближе, он дает больше возможностей, он многое прощает. Кино — искусство жесткое: если ты проглядел, если чуть устал, чуть недобрал — уже не поправишь. А в театре я могу что-то пересмотреть, сегодня сыграть иначе, чем вчера.

Но кинематограф дает другое: съемки привносят в жизнь артиста много нового, неожиданного. Во-первых, для меня это радость человеческого общения. Сколько встречаешь интересных, удивительных актеров! Единственный раз мне посчастливилось на съемочной площадке встретиться с замечательным артистом В.Меркурьевым. А запомнилась эта встреча на всю жизнь. "Наша профессия из области запахов", — сказал тогда Меркурьев. Как приглушается человеческое обоняние, если постоянно присутствует один и тот же запах, так и актер обречен, если варится в собственном соку.

В кино мне приходилось играть с О.Ефремовым и В.Гафтом, с Л.Гурченко и М.Тереховой, с Х.Абрамном, Е.Леоновым, О.Янковским, Р.Быковым, А.Калягиным, В.Самойловым, И.Смокутновским, С.Чаурели, О.Борисовым... Актеры разных школ, пристрастий, различной направленности дарований. Но ведь каждый раз должен состояться интимнейший процесс взаимопонимания, возникнуть "любимый союз" между партнерами, чтобы сложилась общность, единство воли в воплощении замысла.

В этом плане кинематограф предлагает самые неожиданные условия, и ты должен их принять, суметь быть в них органичным.

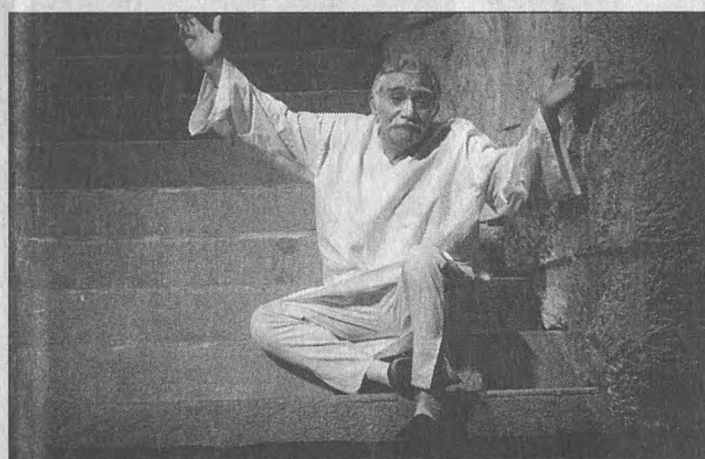
Это, безусловно, влияет на творческие возможности актера, обогащает его, закаляет, готовит к броску.

Психология сцены и съемочной площадки различна. Актер, "заболевший" кино, не может "излечиться" в театре, ему необходимо и то и другое.

Мне хочется всю жизнь играть в кино, а люблю я, конечно, театр. Я считаю себя прежде всего театральным актером. Ни кино, ни телевидение не предложили мне такой блестящей драматургии, как та, с которой я встретился на сцене: "Мольер", "Разгром", "Трамвай "Желание", "Бег", "Беседы с Сократом", "Закал".

Для меня всегда домом был и остается театр. При всей модернизации жизни в древнейшем организме театра есть что-то неизменное, вечное, первозданное. Зритель, актер, зал, шум, занавес, наивная и прекрасная вера в то, что происходит сейчас, здесь — при всех катаклизмах и новациях театр все-таки остается прежним. И в этом, я думаю, его истина.

Фото
Дмитрия КОРОБЕЙНИКОВА
и Натальи ЛОГИНОВОЙ

А.Джигарханян в спектакле "Поза эмигранта"

или организацией творческого процесса. Экран — суровая школа. Это не просто отображающее зеркало, а зеркало очень пристрастное, не терпящее фальши, небрежности. Если в театре актеру дана возможность заглянуть ошибку в следующем акте, то в кино каждый кадр должен быть сыгран актером так, словно это его последний кадр, что требует и большой ответственности, и напряжения. Конечно, и в театре очень велики и ответственность, и напряжение, но там у актера есть верные помощники — зрительный зал, атмосфера, культура театра.

Творческий процесс на съемочной площадке действительно очень отличается от того, который существует в театре. В театре идет долгий и кропотливый процесс собирания образа, вживания в роль, постепенное складывание отношения и с персонажем, которого предстоит тебе сыграть, и с партнером. Долгая и тщательная проработка пьесы на репетициях. В кинематографе этого нет. Первое отличие — все идет на огромных скоростях: пригласили на роль, утвердили на пробах и буквально чуть ли не через неделю — съемки. Короче, постигая образ, ты его уже создаешь, процесс идет синхронно. Затем в театре тебе все знакомо — ты хорошо знаешь пьесу, ты много лет работаешь с режиссером, ты прекрасно знаешь своих партнеров. В кино конечный результат, то есть образ, который ты создаешь,

Я ни от одной сыгранной мною в кино роли не открещиваюсь. Каждая из них — своего рода обогащение, движение вперед. В каждой воплотились мои привязанности, увлечения. Здесь опять-таки все, как в жизни: бывают встречи запоминающиеся, бывают и мимолетные. Но ни одна не проходит бесследно.

Конечно, с годами начинаешь осматривательнее распределять силы. Сужается и круг вероятных ролей, как в жизни сужается круг близких друзей и привязанностей. Но, главное, ты сам меняешься от роли к роли, привносишь в них с возрастом нечто найжтое, выстраданное...

— Произнесенное вами очень точное и емкое слово "ненасытность", по-моему, означает не только количество и интенсивность творческой работы, но и ее разнообразие.

Вы играете в театре, снимаетесь в кино и на телевидении, за-